

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 158 (4124)

Суббота, 26 декабря 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

НА ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

25 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, продолжал работу Пленум Центрального Комитета КПСС. В прениях первым выступил с речью Министр сельского хозяйства СССР В. В. Макушев. Он говорит о том, что благодаря мудрой политике Центрального Комитета КПСС, упорной работе партии и всего народа в сельском хозяйстве произошли коренные изменения. В стране стало производиться значительно больше хлеба, молока, мяса, сахара и других продуктов, неуклонно повышается жизненный уровень народа. Оратор говорит о необходимости создания четкой системы семеноводства, о развитии племенного дела, о производстве новых сельскохозяйственных машин.

Академик Т. Д. Лысенко в своем выступлении останавливается на вопросах повышения жирности молока крупного рогатого скота и удобрения полей навозно-земляными компостами. Мы, говорит тов. Лысенко, уже можем выращивать жирных и обильно молочных коров. На ферме «Горько-Ленинские» выращено около ста коров, в молоке которых содержится 5,1—5,2 процента жира, в то время как в молоке их матерей его было примерно 3,5 процента.

Заведующий отделом селекции пшеницы Всесоюзного селекционно-генетического института имени Т. Д. Лысенко (Одесская область) Ф. Г. Кириченко высказался о необходимости внедрения в производство новых сортов зерновых культур.

О возможности быстрого увеличения производства мяса рассказал на Пленуме директор совхоза «Коммунар» Ставропольского края А. С. Данов. В этом году хозяйство слало 20 130 центнеров свинины. По сравнению с 1956 годом производство ее возросло здесь в три с половиной раза, а себестоимость снизилась вдвое.

Выступает заведующая колхоза имени Хрущева, Волынской области, А. М. Смирнова. Готовясь достойно встретить Пленум ЦК КПСС, говорит она, наши колхозники выращивали на тощих землях Полесья богатый урожай.

Слово предоставляется первому секретарю Ленинградского обкома КПСС И. В. Спиридонову. Он говорит, что ленинградская партийная организация за последние годы проделала большую работу по увеличению производства мяса, молока, яиц, овощей, картофеля и других продуктов сельского хозяйства. В этом году

ленинградцы досрочно выполнили взятые на себя социалистические обязательства по сдаче продуктов животноводства. Например, мяса продано государству 45 тысяч тонн, или на 40 процентов больше, чем в прошлом году. Тов. Спиридонов заверяет Пленум, что труженики сельского хозяйства Ленинградской области отдадут все силы для успешного выполнения семилетнего плана по производству сельскохозяйственных продуктов в течение пяти лет.

На трибуне — председатель колхоза имени Кирова Рыбинской области А. П. Ефремова. В этом году колхоз досрочно выполнил годовой план продажи государству всех видов продуктов сельского хозяйства. Касаясь планов на второй год семилетки, тов. Ефремова отмечает, что рыбинцы не думают останавливаться на достигнутом, зазнаваться и топтаться на месте.

Директор зерносовхоза «Чистовский» Северо-Казахстанской области А. И. Козлов поделился опытом выращивания кукурузы в этой зоне. Совхоз является одним из четырех хозяйств, созданных в Казахстане для проведения опытов выращивания кукурузы с большой концентрацией ее посевов в севооборотах. Под эту культуру в совхозе занято 3,5 тысячи гектаров. На отдельных участках урожай зеленой массы ее составил 900—1000 центнеров с гектара.

Председатель колхоза «Красный Октябрь», Кировской области, П. А. Прозоров рассказал, что колхоз стал продукцией в текущем году в пять раз больше, чем в 1953 году. Общий доход хозяйства составляет 18 миллионов рублей. Значительную часть своей речи тов. Прозоров посвящает благоустройству населенных пунктов колхоза.

Слово предоставляется Первому секретарю ЦК БП Туркменистана Д. Д. Караеву. Он заявляет, что партийная организация Туркменистана ставит перед собой задачу — за два года вновь занять второе место в стране по валовому производству хлопка. Непрерывно растущий спрос на замечательный по красоте и качеству туркменский каракул заставляет всемерно развивать каракулеводство.

С речью на Пленуме выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

По обсужденному вопросу Пленум единогласно принял соответствующее постановление.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ПЕРЕХОДНАЯ СТУПЕНЬ

СЕПЧАС уже не помню, куда именно торопился председатель колхоза Иван Григорьевич Маштаков. Пора была горячая, уборочная, а в уборку председателя в любой день и час ждут десятки срочных, неотложных дел. Буквально на ходу Маштаков подписывал какие-то бумаги, отдал заведующему фермой короткое распоряжение, и мы вышли из председателяского кабинета. За окном пофыривала ожидавшая нас машина.

Только-только Маштаков шагнул за порог, резко, требовательно зазвенел телефон. Иван Григорьевич на секунду остановился, потом махнул рукой и наотмашь хлопнул дверью.

Но не успели мы с председателем усесться в автобус, — на крыльце конторы появился счетовод. — Иван Григорьевич! К телефону. Из сельхозинспекции. Какое-то сведения требуют.

— Ну и дай им эти сведения, — сердито ответил Маштаков, занося ногу на крыльцо. — Говорят, нужен председатель. Лично!

Иван Григорьевич обреченно вздохнул и пошел вслед за счетоводом. Я не знаю, о чем говорил Маштаков по телефону, но разговор был длинным. Вернулся председатель мрачным и до вьезда из села молчал.

— Что-то никак не уразумее, — заговорил он наконец, — зачем создана эта инспекция. Почтенные люди в ней состоят, специалисты, а чем заняты?.. Бумажками! «Готовят вопросы» — то для бюро райкома, то для исполкома райисполкома. Сейчас вот — для пленума райкома... Как-то у нас ребята начали дохнуть. Я позвонил в инспекцию: приехали бы, разобрались, в чем дело, помогли. «Некогда», — отвечают, — срочно готовим вопросы...»

Маштаков помолчал, а потом все так же сердито продолжал: — Спрашивали сейчас про надой, про сдачу и все такое. Будто от того, что лишняя бумажка будет заполнена, и надой выше будет, и свиньи в весе прибавят.

Я заметил, что как-никак, а учет, мол, дело нужное. — А кто же говорит, что нет? — ответил Иван Григорьевич. — Только зачем заниматься этим опытным специалистам — агрономам да зоотехникам? И без них есть кому сводки собирать. С утра нам

уже звонили из райплана, требовали почти те же сведения. А еще раньше эти же справки интересовалась районная инспектура ЦСУ. Зачем же столько бумаг на одно и то же переводить и людей от дела отрываю? Мне случилось потом присутствовать на пленуме, для которого собирали сведения работники инспекции. И здесь я неожиданно услышал продолжение разговора, начатого Маштаковым. Нет, об инспекции речь почти не заходила. Но зато многие председатели колхозов резко критиковали работу РТС.

Какая тут связь? — спросите вы. Что общего между инспекцией и РТС? Очень много общего! Вспомним, что до 1958 года технические и агрономические обслуживание колхозов, а также руководство ими осуществлялись через МТС. Лишь после реорганизации машины были проданы колхозам, а главные агрономы и зоотехники перекочевали в сельхозинспекцию. И РТС, и инспекция, как мы видим, пошли из одного корня.

Как же они показали себя? Об инспекции выше уже говорилось. А РТС? Вот что сказал об РТС председатель колхоза Николай Михайлович Макаров, когда мы возвращались с Пленума: — Теперь уже, думаю, всем ясно, РТС — это переходная ступенька от МТС к технической самостоятельности колхозов. Да это и самой жизнью подтверждается. В нашем колхозе с земельной площадью в пятнадцать тысяч гектаров — чуть не сотня тракторов и комбайнов, то есть почти столько же, сколько в недавнем прошлом имела наша МТС. Потребуются в горячую страдную пору, когда каждый час на учете, ездить со всякой помойкой в РТС! Немыслимое дело. Нам нужна своя мастерская. И мы ее уже начали строить.

Немного позже Макаров показал мне строящуюся мастерскую. Она поменьше типовой, но все же достаточно просторна и удобна. В ней размещается несколько станков, сварочные аппараты. Когда мастерская будет построена и оборудована, тогда только с самым сложным ремонтом придется обращаться в РТС или на ремонтные заводы.

В последнее время на страницах газет высказывались различные соображения о том, какими должны быть РТС, да и нужны ли они вообще. Широко обсуждаются проблемы РТС сейчас и на Пленуме Центрального Комитета нашей партии. Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский сказал в своем докладе, что вопрос этот заслуживает самого внимательного изучения.

Это подкаzano жизнью. Если побывать в наши дни в колхозной деревне, можно услышать много интересных, по-государственному важных и, главное, конкретных соображений.

Есть старая мудрость: истина всегда конкретна. Думаем, что в данном случае помнить об этом особенно важно.

Окинем мысленным взором нашу страну. Она огромна и по экономическим, климатическим, почвенным условиям бесконечно разнообразна. Так можно ли с одной меркой подходить к южным и северным районам Союза, к его так называемой средней полосе? Конечно, нет.

Возьмем Кубань или Ставрополье. Там большая часть МТС обслуживала только один колхоз. И естественно,

что после реорганизации экономически мощные артели купили и всю технику, и ремонтные мастерские в придачу. И если РТС на Кубани еще остались, то жить им, очевидно, недолго.

Вряд ли может оказать существенную помощь такому колхозу и сельхозинспекция. В современном кубанском колхозе работают десятки квалифицированных специалистов — агрономов и зоотехников, в инспекции же их не наберется и подсадка.

Теперь поднимемся чуть повыше, в районы Поволжья, скажем, в Саратовскую или Куйбышевскую область. Кстати, колхозы, которыми руководят Маштаков и Макаров, находятся в одном из районов Куйбышевской области. Здесь, как мы уже видели, дело обстоит несколько иначе. Инспекция не удовлетворяет председателей. Что же до РТС, то они пока еще действуют, хотя для их и здесь, видимо, сочтены.

Нынешним же летом и осенью мне пришлось побывать в районах Чувашии и Горьковской области, а совсем недавно — на Брянщине. Какое-то здесь живется инспекциям и РТС?!

Колхозы средней полосы значительно уступают поволжским и, конечно, кубанским по размерам земельной площади и по количеству техники. Полевая бригада на Кубани часто имеет много больше земли, чем среднерусский колхоз. В здешних колхозах и специалистов мало: агроном да зоотехник. Видимо, и вопрос, о котором идет речь, должен решаться по-другому.

Начнем опять с инспекций. Они могли бы здесь много сделать, но работ большей частью неудовлетворительно. Председатель колхоза «Друг рабочего» Сергачского района, Горьковской области С. Е. Кабенков показывал мне бумаги, в которых со всей присущей официальным документам строгостью предписывалось вести озимый сев в колхозе только просортированными и протравленными семенами. Будто председатель сам этого не знает, будто он меньше работников инспекции заинтересован в том, чтобы на полях колхоза вырос добрый урожай! Но это еще полбеды. Главная беда в том, что бумажка пришла в колхоз в... день окончания сева. Комментарии, как говорится, излишни.

Что же нужно сделать для улучшения работы инспекций? Прежде всего решительно отказаться от бумажного стиля руководства колхозами. Надо по минимуму сокращать отчетность. Пора, давно пора специалистам инспекции выйти из кабинетов на просторы колхозных полей.

Если же будут созданы колхозоземы, о которых сейчас говорится на Пленуме, то инспекции должны влиться туда.

Теперь об РТС. Вышло так, что по приезде в Карачев я сразу же попал на районную партконференцию. На конференции в выступлениях некоторых председателей колхозов мне пришлось услышать уже не раз слышанное: очень дорого обходится ремонт техники. Председатель артели имени Кирова Е. В. Власов сказал, что на содержание тракторов и комбайнов (а их в колхозе всего-то два десятка) уходит чуть ли не половина бюджета.

Так, значит, и здесь подумывают о ликвидации РТС? Нет, как вопрос здесь никто, с кем мне пришлось разговаривать, не ставил.

— Посудите сами, рентабельно ли колхозу на десять тракторов и одиннадцать комбайнов строить солидную ремонтную

«ЛИЦОМ к лицу с Америкой» — книга о тридцати днях визита Никиты Сергеевича Хрущева в США. Каждому из нас памятные многие обстоятельства этой исторической поездки. Нельзя представить человека, который не читал бы в газетах отчетов о сердечных беседах высокого советского гостя с американскими рабочими, об острой, блестящей его полемике с представителями «большого бизнеса», с реакционными лидерами американских профсоюзов, с политиками, считающими, что хорошо лишь один курс — продолжение остервеневшей «холодной войны». Каждый из нас хорошо помнит те слова и мысли Н. С. Хрущева, которые особенно поразились и запали в душу, стали «своими». Но, как нам кажется, значение, и ценность новой книги не только в опубликовании многих еще не известных читателю высказываний Никиты Сергеевича на американской земле, хотя, разумеется, они представляют исключительный интерес. Ценность книги в том, что она рассказывает о событиях тридцати дней наиболее полно и на широком историческом фоне. Она зримо воссоздает всю необыкновенную сложность политической ситуации во время визита, ситуацию, которая, кажется, впитала все противоречия современного мира. И эта широта, глубина исторического охвата позволяет еще и еще раз в полной мере оценить значение для настоящего и будущего триумфальной поездки главы Советского правительства, поездки, оказавшей и оказывающей влияние на множество больших и малых событий международной жизни.

«Лицом к лицу с Америкой» — своеобразная, новаторская книга. У создателей ее двенадцати писателей и журналистов есть множество полноразных соавторов. Три главы книги заполнены письмами — искренними, безыскусными, горячими, иногда немаломо наивными, иногда прямодушно-грубоватыми, лишенными каких-либо стилистических ухищрений. Это лишь часть писем, полученных Н. С. Хрущевым от соотечественников, от наших зарубежных друзей, наконец, от простых американцев. Сама народная мудрость, уверенный голос миллионов тружеников подкрепляют, усиливают, оттеняют мысли главы Советского правительства, высказанные им во время американской поездки. И, читая очень простые и, может, поэтому особенно сильные строки писем, вспоминаешь выступление Н. С. Хрущева на приеме в советском посольстве в Вашингтоне о неотделимости советского народа от Советского правительства: что думает и хочет народ, то выражает и делает правительство.

«Лицом к лицу с Америкой», как и ранее вышедшая книга «Жить в мире и

РАССКАЗ О ТРИНАДЦАТИ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЯХ

«Здорово, очень здорово проходит Ваша поездка, Никита Сергеевич», — говорит М. А. Шолохов. (Снимок из книги «Лицом к лицу с Америкой».)

друзья!», вооружен советских людей сильнейшим оружием идеологической борьбы. Напоминая гордые строки «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения, книга показывает Боевой, наступательный характер пропаганды ленинской правды.

Перед лицом всей Америки, перед лицом всего мира Н. С. Хрущев выступил как коммунист, не скрывающий своих взглядов и намерений. Книга подчеркивает, что высказывания Никиты Сергеевича проникнуты доказательной уверенностью в преимуществе социалистической системы над капиталистической, в окончательной победе коммунистического строя.

И это, если глубоко разобраться, не мешало, а помогло созданию обстановки взаимопонимания, созданию условий мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, помогло делу мира во всем мире.

Правдивость, прямота, откровенность, доказательность высказываний Н. С. Хрущева нашли дорогу к сердцу и разуму трудящейся Америки: «...Вам, как волшебнику, удалось развевать у многих американцев чувство недоверия и вражды, тщательно насаждавшееся на протяжении 10 лет, — говорит в одном из писем. — У меня сейчас такое ощущение, будто наши умы глубоко перепаханы плугом. Недоверие отошло на задний план, его место заняло чувство надежды на мир во всем мире».

Даже те господа, которые ставили целью во что бы то ни стало «переспорить Хрущева или умереть» и которые потерпели поражение в советском скватче, признали в советском лидере не только одного из лучших ораторов в мире, но и бойца, которого нельзя сбить с ног. Хотелось бы верить, что некоторые из них поняли, наконец, что нельзя «переспорить», «сбить» бойца, за спиной которого — великая партия, великий народ.

На убедительных примерах мы учимся уметь видеть и всюду, на родине и на чужбине, в кругу друзей и в окружении идейных противников неустойно нести слово и дух ленинской правды, воспитывать, укреплять в себе те великодушные чувства достоинства советского человека, суть которого Н. С. Хрущев выразил в нескольких словах, поставивших на место кучку ладких на провокационные реплики бизнесменов:

«Я приехал в США не как проситель. Я представляю великое Советское государство, великий народ, совершивший Великую Октябрьскую революцию. И не заслуживать вам, господа, никакими репликами того, чего достоин, — это и хотел сделать наш великий народ. Много интересного, полезного, глубоко поучительного найдет читатель в книге «Лицом к лицу с Америкой». Хочется, например, отметить, что она в известной мере удовлетворяет вполне понятное желание каждого советского человека больше узнать, как живет и работает Никита Сергеевич. Приведем лишь один отрывок. «У-114», покинув американскую землю, летит в родную Москву. Вперед! — десять часов в воздухе. Десять часов заслуженного, необходимого отдыха! Нет!

«Стенографистки берутся за свои тетради и карандаши. Никита Сергеевич садится за стол, готовый снова работать, как будто бы не было позади напряженного рабочего дня...»

Только что закончив сложнейшую поездку, которая на глазах у всего мира вылилась в историческое событие, он сразу принимается за общепонятные итоги. Ведь послезавтра ему предстоит новый полет за границу — в братскую Китайскую Народную Республику.

Как обычно, перед Никитой Сергеевичем нет никаких бумажек. Свои речи он до мельчайших подробностей продумывает заранее, очень тщательно готовится к ним. И вот сейчас он диктует фразу за фразой, взвешивая и отчеканивая их. Эти мысли, положения родились в его голове уже давно. Сейчас он только оформляет их. Порой он возвращается к уже сказанному и уточняет свою мысль, но отнюдь не стремится как-то приглядеть свои выражения, загнать их в быденные, ставшие привычными для многих ораторские формы. Это живая, идущая от сердца речь, это свой собственный, так приспешивший по душе народу стиль.

Так проходит один час, второй... И кажется уже, что это не кабинета самолета, а рабочий кабинет главы правительства. В емкой, плотной книге — множество познавательного материала. Читатель прочтет о сотрудниках Белого дома и особенностях индийского лета, познакомится с историей городов Америки и научно-исследовательской работой в области сельского хозяйства, увидит Вашингтон с высоты птичьего полета и побывает в гостях у фермера, узнает, из кого состоит правительство США, и поймет особенности американского рабочего движения. И чрезвычайно ценно то, что факты американской действительности предстают в свете блестящего марксистского анализа, данного в высказываниях Н. С. Хрущева. Иногда это — развернутая оценка, иногда — реплика. Но в том и другом случае до читателя доводится самая суть явления, сердцевина проблемы.

Книгу «Лицом к лицу с Америкой» написали А. Дажубай, И. Грибачев, Г. Жуков, Л. Ильичев, В. Лебедев, Е. Литогский, В. Матвеев, В. Орлов, П. Сатюков, О. Трояновский, А. Шевченко, Г. Шуйский. Авторы предоставляют читателю определить жанр книги. Если говорить просто, она хорошо написана, ее интересно читать. В ней соседствуют деловитость, сжатость полезной справки и отточенность политической памфлета, беглость публицистики и выразительность очерка.

Эта книга — пример настоящего творческого сотрудничества двенадцати писателей и журналистов, действительного коллективного литературного труда, в котором, однако, не растерялись бесслодно индивидуальность каждого из авторов.

«Последняя страница умной книги, хорошего друга. Поставим этот томик на полку своей библиотеки в такое место, откуда его всегда удобно достать: мы еще не раз будем обращаться к его страницам, посвященным событиям на рубеже шестого и седьмого десятилетий нашего бурного века, которым предопределена долгая жизнь в сознании народов.»

Георгий КУБЛИЦКИЙ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Огни за Гангом

НИЧТО из нас и слыхом не слышал прежде о существовании индийской деревушки Бхилаи. На голый, выжженный солнцем красный земля стояли ее неказистые хижинки, а к ним подступали джунгли, рисовые поля. Деревенка Бхилаи ничем не отличалась от семисот тысяч других индийских деревушек. Скорые поезда не останавливались на ближайшей станции, где здание вокзала так походит на веранду; поезда пролетали мимо, не свисая к этой глуши.

А сейчас в Бхилаи выросли мощные металлургический завод и город по соседству. Бессонное зарево доменных и коксовых печей горит в тропическом небе, и отсветы этого доменного пожара видны далеко-далеко, дальше, чем достает глаз самого дальновзорного человека, — они видны сегодня во всех уголках индийского полуострова.

Штат Махьяра Прадеш — Центральный штат — один из самых континентальных районов страны; зной не умеряется здесь влажными ветрами, дующими с океана. Но именно здесь находится богатейшее месторождение железной руды Раджахра пахар. Столетие назад открыли это месторождение, но еще очень долго драгоценная кладовая руды оставалась под замком — не под силу было освоить такое богатство индийскому народу; он пребывал в ярме колонизаторов.

И вот в деревенке Бхилаи, в ее окрестностях появились изыскатели, а вслед за ними — индийские и советские строители. Тучи горячий зноя носились по строительной площадке почва окрасилась эту пыль в красноватый цвет, а ветер извнутрил ее. Солнце висло в выцветшем, белесом небе и жгло неистово, беспощадно. Глубокие трещины земли, в иссушенной, раскаленной земле. Не было у людей более заветной и неотступной мечты, чем спасительная, милосердная прохлада. Строители помнят день, когда в тени было сорок семь градусов. Но разве легко работать и при тридцати пяти градусах? Не спасают ли легкий комбинезон, ли тростиновый

плем, ни темные очки, ни термос с холодным чаем. Верхолазы на монтажных вышках меньше страдали от удручающего соседства камня и железа. Но зато как больно было браться руками за раскаленные конструкции, чтобы залезть наверх или спуститься на землю! А потом наступала полоса летних «мансунгов», когда ливни-проливни заливали котлованы. А потом зима начинала бурно высыхать и люди долго страдали от душевной испаринки.

Но ведь предстояло акклиматизироваться не только в прямом, но и в переносном смысле слова! Наши строители ждали трудности самого разнообразного порядка. Люди плохо понимали друг друга — кричавшая разногласия. И меры длины, веса необычны. Следовало приспособиться к незнакомому прежде образу жизни, к чужим обычаям и традициям, даже к рациону — индийское блюдо «кари», ох, как не походе на украинский борщ, а «шрикан» — на сибирские пельмени! Верхолазы шутили: «Хорошо хоть, что в этих местах остаются неизменными законы механики и земное притяжение!»

стройка в Бхилаи развернулась на полтора года позже, чем в Руркела, наши консулства, инструкторы победили. Сейчас домна в Бхилаи работает на полную мощность, а такая же домна в Руркела ждет чугуна чуть ли не в два раза меньше — печь капризничает, ее сильно лихорадит.

В течение этого года в Бхилаи завершён первый металлургический цикл: завод выпускает кокс, чугун, сталь, прокат, серную кислоту, смолу, удобрения.

Но разве дело только в техническом превосходстве, которое добыто в соревновании с западногерманскими и английскими специалистами? Есть еще одна, может быть, самая важная область сотрудничества, которая дала индийцам возможность сравниться и сопоставлять. В западногерманском журнале «Дер штерн» напечатана фотография из Руркела: немецкий инженер сидит под зонтиком, а зонтик держит индеец, который сам при этом стоит на солнцепеке. Разве можно было увидеть подобную сценку в Бхилаи?

Только в Бхилаи возникла сердечная атмосфера взаимного уважения и доверия. Она немаловажна без равноправия, ее рождает только преградная сила искренности. Не единичные, но массовые приметы дружелюбия и всеобщая готовность помочь, в чем только можно, отмечают всю деятельность наших рабочих и специалистов.

Александр Гавриш закончил монтаж башенного крана в тот час, когда индийцы вручную бетонируют теплоэлектроцентрали. Гавриш — не краповик, управляет краном — не его обязанность. Но, с точки зрения молодого советского монтажника, было что-то совершенно недопустимое, даже безнравственное в этом простом, в нечаянном безделье крана, когда сотни людей так тяжело работают вручную. Индийцы облепили строительные леса электростанции, всюду на бамбуковых жерях и штахт сидели, стояли (Окончание на 2-й стр.)

НЕНАПИСАННАЯ ПОЭМА

Человеческая память способна навсегда сохранить не только живые лица, солнечный свет счастливого дня, но и вид газетной полосы, рассказавшей о потрясающем, необыкновенном...

Кто сможет забыть страницу одного из номеров «Правды» за январь 1942 года с очерком Петра Лидова «Таня», с врезанным в текст снимком мертвой героини? В тот день мы впервые узнали о бессмертном подвиге Космодемьянской.

Пожоже чувство испытала миллионы советских людей совсем недавно. 25 ноября 1959 года «Правда» опубликовала посмертные записки и фотографии Веры Захаровны Хоружей, героической дочери Ленинского комсомола и Коммунистической партии, бесстрашной революционерки, всей жизнью которой — поразительный пример высоты человеческого духа.

Вместе со всеми читателями «Правды» и я в то утро двадцать пятого ноября с шепчущим душевным волнением читал и перечитывал записки Веры Хоружей, глядящего в черты ее облика. Для этого у меня была еще и особая, личная причина. Ведь я хорошо знал Веру. Именно она в 1933 году дала мне, миному мальчику, «юному спартаку», самую заветную путевку в жизнь — рекомендацию в комсомол.

Я не сразу решился написать эту статью. Записки Веры Хоружей говорят сами за себя. Не к чему, думалось мне, выступать с какими-то личными воспоминаниями. Но потом, когда обнаружился огромный, все возрастающий интерес народа к личности Веры Хоружей, ко всем подробностям ее удивительной биографии, показалось неправильным не поделиться с другими тем, что я знаю об этом бесценно дорогом мне человеке.

1923 год. Минск. В газете «Звезда» и «Красная смена» печатаются бюллетени о состоянии здоровья Владимира Ильича.

У юных «спартак» (так тогда называли минских пионеров) много дел. Звено носит гордое имя — имя «Роте Штурфане», боевой газеты германских коммунистов. Там, в центре Европы, снова разгораются жестокие классовые бои. И мы, дети, вместе со старшими товарищами — коммунистами и комсомольцами — тоже активно участвуем в Германии. Семь германских рабочих голодают. Надо им помочь. На сборе «спартак» в неопытном возрасте выступил укомом комсомола. Мы знаем, что зовут ее Вера Хоружая (как тогда произносили именно так: «Хоружая», а звание — «Хоружая»).

Августовский день. То солнце, то дождь. С красными галстуками на груди, с гладко остриженными волосами в руках шагаем мы по улице стройной колонной. Впереди колонны — комсомольские активисты, наши шефы. Там и Вера Хоружая, там и ее друг Мария Давидович, председатель дельбюро укома комсомола.

Демонстрация солидарности с протестными детьми всего мира. Минтин в бывшем Губернаторском саду. Из психохвоща сооружаем трибуну: она опирается на наши плечи. На трибуну один за другим поднимаются ораторы.

Единодушно прини ма е м письмо к детям германских рабочих. Просим дальних сверстников в Берлине, Гамбурге, Кельне не унывать и смело идти по тому пути, по которому шли Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Решаем открыть в фонд «Лиги помощи германским детям». Вносим небольшие — по пять, десять, двадцать червонных копеек. Среди фамилий старших, поддерживавших нашу инициативу, — Вера Хоружая.

Есть и другие важные заботы. В городе стайки беспризорных. Некоторые втянуты в воровские шапки, другие — попрошайничают на улицах. Среди них немало детей из волжских губерний, где еще чувствуются последствия засухи и голода 1921—1922 гг. Создана сеть коллекторов и детских домов. Нам, грамотным ребятам, школьникам, поручено наладить в этих домах культурно-просветительную работу.

Тихая окраинная улица. Старый деревянный дом. Стриженные головы подростков. Насупленные, порой еще дикие взгляды... Но есть уже среди воспитанников и боевое ядро: Петья Теличан, организатор комсомольской ячейки, активист Вася Кобец, его сестра Оля, юнкор Онуцук. Сразу договориваемся, что будем выпускать рукописный журнал.

Соберем заметки и покажем Вере Хоружей. Она говорит нам новые друзья. — Она сюда часто приезжает. И завтра мы опять видим милое, озабоченное внутренним светом лицо, курчавые бесполовые пряди, слышим быструю, энергичную речь.

Вера приезжала в Дом юношества, чтобы побеседовать с ребятами о насущных вопросах жизни страны, о комсомоле, о литературе. Не раз на сборе воспитанников читала стихи Александра Безыменского, Александра Жарова, и других комсомольских поэтов.

Поэзию она вообще любила и понимала. Помню, как на литературном вечере Вера Хоружая подошла к одному из рабочих поэтов, только что прочитавшему стихи о заводе. Стихи были неуклюжие, но искренние, с характерной для того времени яркой метафоричностью: «Хочу, хочу с заводом слиться и чуждом из домы литься, по желобам сердец журча...» Вера поблагодарила поэта крепким рукопожатием.

В «Красной смене» была напечатана ее статья о «партишколах» (она была курсанткой партишколы). Вера высказывала в этой статье свои взгляды на значение коллектива для воспитания человека.

В беседах с воспитанниками Дома юношества Вера вынакала и в мелочи быта, в личные судьбы ребят. Помогала каждому найти свое место в трудовой жизни.

Где вы сейчас, Петья Теличан, Вася и Оля Кобец, редактор «Червоного факела» Онуцук? Если дойдут до вас эти строки, — откликнитесь и приобщите новые строки и светлую образы той, что сказала: «За всех детей на свете отвечает коммунистка».

...Скорбный январский вечер. Заплаканные девушки обнимают черными лентами портрет Ильича в зале Дома юношества. Всплеск Хоружая писала в одном из своих писем к сестре Вале, что во всей своей жизни помнит только один ужасный день — день смерти Ленина: «...Это действительно было самым большим горем, какое я пережила».

Впервые серо-голубые Верины глаза не излучали тепла радости. Хоружая горюла о великой ответственности юного поколения перед памятью Ленина и перед судьбой его дела.

Прошли год-полтора. Целые дни проводил я теперь в доме на бывшей Богодельной, ныне Комсомольской улице, — она круто поднималась в гору от низины района Немецкой. Здесь — молодежный клуб и здесь же — редакция «Красной смены». Работая в газете сотрудником отдела рабочих сообщений.

В это время Веры не было уже в Минске. Никто из нас не знал, где она. В архиве редакции хранился снимок 1923 года: первые работницы «Красной сменя» — все в сапогах, галфе, ковсворотках. А с краю стоит одна-единственная девушка в скромном пальтишке, с непокрытой головой — Вера Хоружая.

Однажды редактор приходит из Центрального Комитета ЛКСМ Белоруссии взволнованный, озабоченный, кладет на стол несколько листовок.

— Читайте. Будем публиковать...

Мих. ЗЛАТОГОРОВ (так называли тогда западные районы Белоруссии, находившиеся под пятой белокоммунистического Союза Молодежи Западной Белоруссии) сообщил о зверских пытках и чудовищных издевательствах пилсудских над молодыми рабочими и крестьянами. Дефензива хочет задушить нарастающее революционное движение. В застенках города Бельска арестованных избивают нагайками и палками, топчут сапогами, на допросах жгут голые пятки раскаленным железом, загоняют под ногти раскаленные иглы.

«Товарищи, — били прямо в сердце строчки письма, — наш комсомол никогда не знал легальных условий. Мы выносили стрелы преследований, арестов и побоев... Мы уже ко всему привыкли... Но то, что делается теперь в Бельске, заставляет и нас вздрагивать... Нашим протестом, нашим ответом будет наша неустанная борьба и работа... Товарищи! Поднимите ваш голос протеста против таких насильств и мучений ваших угнетенных братьев — молодежи Западной Белоруссии».

Теперь мы знаем, кто был секретарем подпольного ЦК комсомола Западной Белоруссии. Во всем строе, во всех интонациях этого гневного и мужественного письма я слышу знакомый голос — голос Веры Хоружей.

Улицы Минска затопила негодующая рабочая и учащаяся молодежь. Могучая демонстрация протеста против белого террора тогдашнего буржуазно-помещичьего правительства Польши вошла в летопись революционной борьбы тех лет.

...1929 год. Заря первой пятилетки. На родном Вере Полесье, на Минщине, на Витебщине — по всей Белоруссии поднимаются входы нового. Колхозы, первые ударные бригады в цехах заводов и фабрик...

Как корреспондент республиканской газеты, я много ездил и вижу. И вот решаю написать о происходящих чудесных переменах Вере Хоружей.

Все минские комсомольцы знают о ее нелегкой судьбе. В конце сентября 1925 года она была схвачена пилсудскими и брошена в тюрьму. Стойко, мужественно держалась на судебном процессе, вдохновляя своим примером других подсудимых. С достоинством боролась против лжи и клеветы, отстаивала свои коммунистические убеждения. После второго суда (1928 год) пилсудники заточили Веру в женской тюрьме Фордон. Но оттуда, сквозь толстые каменные стены и железные решетки, проникают восточки от нее. И многие из друзей Веры, с помощью МОПРа, тоже шлют ей вести, а также книги, учебники. Все знали, что Вера и в заключении продолжает жадно учиться, обогащает себя знаниями по истории, экономике, литературе. Какой это был пример для всех нас!

Задолго со своим письмом послала Хоружей и короткое приветствие отряда минских пионеров, — ведь она всегда так любила ребят в красных галстуках.

Проходит несколько недель. Через МОПР получаю конверт. В конверте — узкая полоска папиросной бумаги, густо покрытая микроскопическими, но такими четкими буквами... Ответное письмо от Веры!

«Дорогим, незабываемым сюрпризом было для меня и твое письмо, и приветствие пионеров. Вот была у нас радость! Перед нами сразу раскрылась обычно закрытая для нас книга жизни».

Пионеркам Вера написала отдельно и поручила передать ее послание в отряд. В книжке «Письма на волю» (замечательный сборник Верных писем, о которых в 1932 году писала Н. К. Крунская) можно найти это послание к пионеркам, где Вера Хоружая говорила: «...жалеть меня не надо», — и призывала: «...Бейте так громко в барабаны, пойте так весело ваши песни, чтобы слышно было не только в нашей, но и во всех других тюрьмах...»

Четыре драгоценные восточки получили из Фордона (в упомянутом сборнике они обозначены как письма к «товарищу М.»). Каждое сообщение об успехах на фронте пятилетки вызывало в общей камере женской тюрьмы взрыв восторга.

«Как жаль, что ты не был среди нас, — писала Вера 2 декабря 1929 года,

— в тот момент, когда мы читали твое письмо... Слыша расказ об ударных бригадах, девушки буквально онаменели. Только через несколько минут обрели они снова дар речи, начали разговаривать, радоваться, удивляться, восторгаться...».

В своих блонотах 1929—1930 гг. нашел я запись о том, что колхозники Словянского района написали Вере Хоружей о делах своей артели. Писали они, что работают дружно и вырастили капусту — по 24 фунта в кочан, а по вечерам учатся грамоте. Вместе с письмом послали они Вере вышитую белорусскими узорами кофточку. Когда в 1932 году Советское правительство организовало обмен политзаключенными с Польшей и Вера Хоружая вернулась в Советский Союз, — на ней была эта кофточка...

Мне не довелось встретить Веру Захаровну на границе и в родном Минске. Встретились мы уже в Москве. В гости к Вере приходило много старых товарищей и друзей по комсомолу. Как жадно расспрашивала она каждого о жизни, семье, работе («Скоро и я включусь в стройку», — говорила она с прерывным боевым комсомольским задором).

Больше я ее не видел... Осенью 1943 года войска Западного и Калининского фронтов прорвали линию обороны немцев и вышли на подступы к белорусским городам — Витебску, Орше, Могилеву. Я был в рядах 49-й армии, участвовавшей в этой наступательной операции. Могли я тогда думать, что где-то, среди дымившихся руин Витебска, погребено тело Веры, что вместе с другими отважными партизанами она до последних минут своей жизни помогала Советской Армии победоносно осуществить разгром врага?

Жизнь Веры Хоружей — вдохновенная поэма, еще не переложенная на стихи.

Нужна кисть шекспировской, пушкинской силы, чтобы передать все красоты богатейшей природы, все перипетии драматической и величавой судьбы. Вера Хоружая родилась в один год с Юлиусом Фучиком. Мне кажется символическим это совпадение. Та же величайшая человечность, та же беспредельная преданность коммунистической идее.

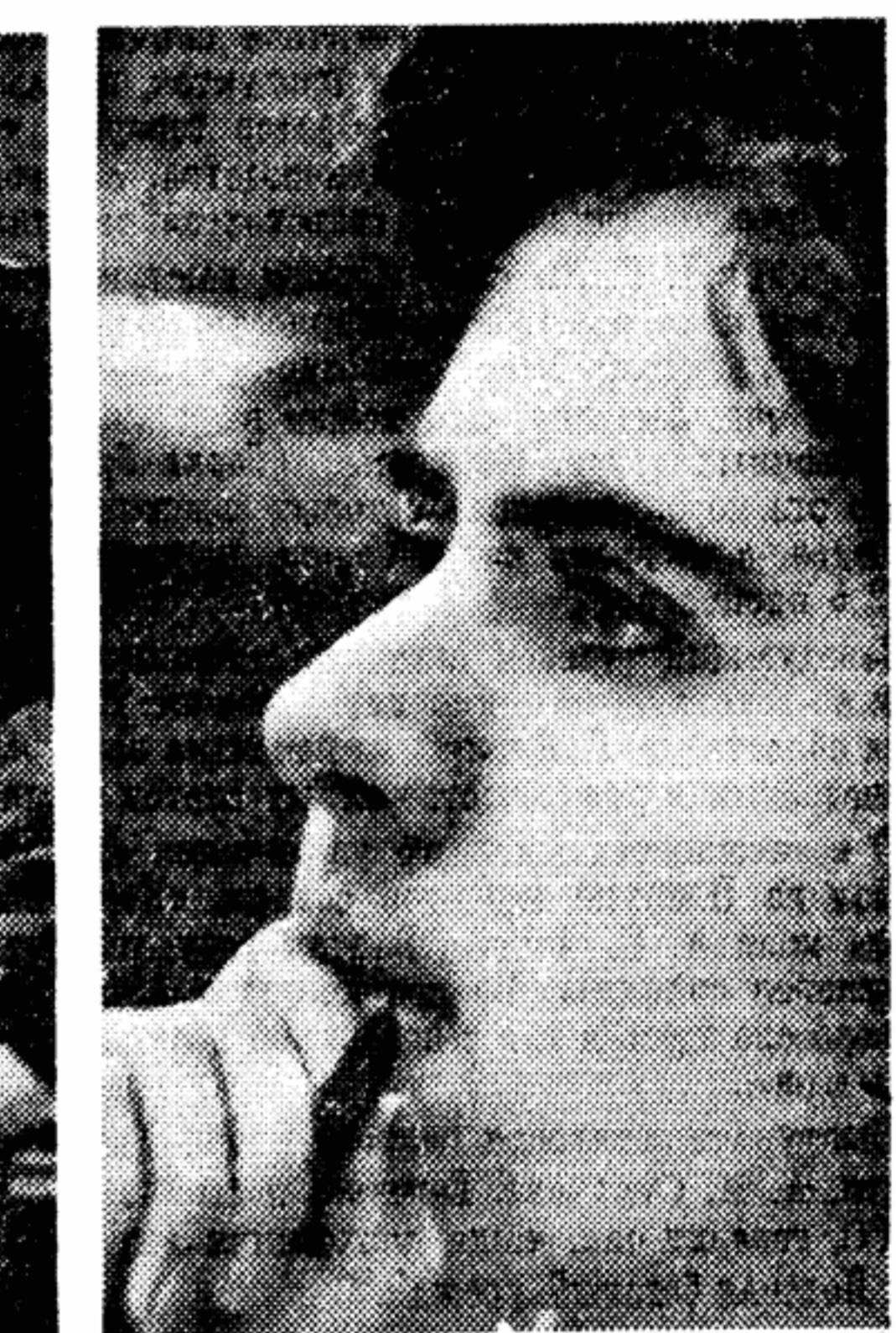
Перед нашей литературой еще один неоплаченный счет.

Но если романы и поэмы быстро не рождаются, то нельзя откладывать в долгий ящик другое: собрать все документальные свидетельства о Вере Хоружей и поскорее дать молодежи биографию истинной героини нашей эпохи, предвещницы великой моральной красоты нового Коммунистического Человечества.

ЛЕКЦИИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...

Московский государственный университет. Более 22 тысяч студентов из 60 стран мира приходят ежедневно в его аудитории, лаборатории, на опытные участки, где перед ними открываются неведомые горизонты науки.

Как сложна, увлекательна и важна для этих студентов процесс познания нового. Можно подвизаться и этим девушкам, и этому парню. Сегодняшний день не прошел для них даром. Очень много дует им умная, содержательная, глубокая лекция, на которой они сейчас присутствуют.

Огни за Гангом

(Окончание. Начало на 1-й стр.) Люди и предавали наверх тазы, наполненные бетоном. Индеец, сидевший рядом, снимал газ с головы соседа и ставил себе на голову, откуда его в свою очередь снимал строитель, занявший позицию еще выше.

Александр Гавриш стал подавать наверх бетон пятиугольной бадьей. Он сутка оставался в стеклянной будке крановщика, и чернорабочий Сердардж Сингх, неразлучный со своей чалмой, подымался к Гавришу на край, приносил кувшины с холодной водой, а затем накрывал его ободом. А когда «рабочий эксперт» на рассвете следующего дня спускался, наконец, на землю, индийцы встречали его восторженными возгласами, они молотвенно складывали ладони у груди в знак почтения.

В скучные часы отдыха Александр Гавриш овладел специальностью кинеманика и демонстрировал наши фильмы. Все чаще приглашали к себе Гавриша индийцы, и самостоятельный кинотеатр работал иногда под выстрелом под аспидно-черным трюмическим небом. Экран нагибался у подножия холма, превращаясь в амфитеатр; каждый сеанс собирал аудиторию в тысячу зрителей и более того. И всю ночь светлела голубая дорожка, проложенная от киноапарата Гавриша к волшебной простыне экрана; оглозлая мошкара летела на свет и роялась, пронзая лучами.

Советский человек воспитан в духе интернационализма, он с уважением относится к национальным особенностям чужой страны, к обычаям, традициям, верованиям, обрядам другого народа. Простота и общительность советских строителей, их такт и душевное тепло, их всеобщая готовность делиться опытом с той богатой щедростью, какая принята между добрыми соседями, друзьями, — все это и создало в Бхилаи атмосферу приязни и деловитого сотрудничества. И не удивительно, что в день пуска первой дымки, в теплый и солнечный февральский день нынешнего года, хозяева в виде сюрприза советским людям соорудили триумфальную арку. Ее обтянули кумачом, увили живыми цветами и украсили приветственным лозунгом. Неведомый друг еще шлет по-русски с ошибками — на арке было начертано: «Добры пожаловать», — но, как знает, может быть, именно благодаря этим ошибкам еще более сердечно и гостеприимно прозвучало приглашение индийцев на торжество: «Добро пожаловать!»

Так хочется поздравить сегодня с пуском завода всех знакомых строителей Бхилаи и металлургов! Хотелось бы поздравить и старожилу монтажных работ Николая Коростелева. Научился ли он уже смирять свой горячий азарт мудрой расчетливостью или распорядится на площадке так же громоздко, как бывало в московской стратосфере, на верхних этажах МГУ или на стройке Дворца дружбы в Варшаве? Все монтажники и машинисты башенных кранов знали хрипловатый, зычный голос Коростелева; он подавал команды, не доверяя никаким микрофонам. Привет и вам, Иван Александрович Гумячев. — хай живе заповорез за Гангом! В Бхилаи вы так же

самоотверженно, как некогда на Запорожском, монтировали трубы для пара, газа и воздуха. И хоть ныне из цельнотянутых трубопроводов рассчитаны на давление в сотни атмосфер, вы, наверно, по-прежнему называете их с ласковой фамильярностью — «трубы». Сердечный привет и вам, Махвар Мухолкар, и пожелание благополучной работы у горна дымки! Когда красненький и рослый Мухолкар снимает доменные дощехи, он скорее похож на ученого или артиста, чем на горнорабочего, — у него голые мускулы, обрамленные седыми волосами, а глаза полны молодого блеска. Махвар Мухолкар — незаурядный лингвист, он владеет шестью индийскими языками, знает английский и уже год назад сносно изъяснялся по-русски без переводчика.

Он тогда твердо решил продолжить занятия языком, и, как знает, может быть, Махвар Мухолкар сам прочтет эти слова горячего декабрьского привета? Возможно, в эти знаменательные дни, так же как во время пуска первой дымки, на заводе в Бхилаи прозвучит гимн и снова заводские гудки праздничными аккордами влетят в его мелодию. И громкое эхо разнесется по окрестным рисовым полям, докатится в джунгли. Величественное эхо торжества доносится и к нам, в Советский Союз, потому что это — торжество миролюбивой, добрососедской политики.

И пусть радостные возгласы «Зиндабад!» и «Ура!» громко звучат сегодня, опережая, заглужая друг друга!

ВСТРЕЧИ С ТРУЖЕНИКАМИ ПРИМОРЬЯ

Читатели приморской красной газеты получили 18 декабря свою газету с необычной надписью: «Этот номер «Красной сменя» подготовлен вышедшей редакцией «Литературной газеты». Прозники, поэты и журналисты с большим интересом трудились над созданием этого номера. В статье очерках, стихах, корреспонденциях и заметках литераторы рассказывают о людях Советского Приморья, о их вкладе во всенародную борьбу за коммунизм.

Материалы этого номера — результат многочисленных встреч участников бригады «Литературной газеты» с тружениками Владивостока, Уссурийска, Спасска, Находки и других городов и сел края. На следующий день после выхода специального номера красной газеты в номерах «Соплеватели» появились многоотраженная «Литературная газета» на Дальнем Востоке, также целиком посвященная сегодняшнему Приморью. «Литературная газета» вышедшая редакция завершила свою более чем трехнедельную работу в Приморье. За это время писатели и журналисты совершили ряд литературных вечеров в рабочих клубах и общественных, на судах и промышленных предприятиях, в учебных заведениях и в военных морских частях океанского флота. О своих впечатлениях литераторы рассказывали также радиослушателям и телезрителям края.

Писательница Вера Кетлинская и Игорь Митрофанов.

Игорь впервые летел на самолете. Это было всего лишь «Уточка», самолетик из картона, или, как ее окрестили строители, «подвояннов» авиации: злые языки уверяли, что свозит дырки в обшивке самолета видна земля, а крылья подымаются бечевичками. «Уточка» доставляла на строительство почту, дефицитные детали и разных начальников — тех, что из смежного десятилетия, и решаются вернуть жизнь старенькому самолету и молодому летчику. Сам Луганов летал в областной центр, и на узловой станции, если там скапливались грузы, но своим работникам разрешал полеты редко — скупился. Самолет был привилегией немногих. Игорь впервые получил эту привилегию и упивался ею.

Писательница Вера Кетлинская закончила роман «Имя мое не стонет». В нем рассказывается о наших современниках, о жизни нескольких поколений советских людей, их трудах и мечтах, дружбе и любви, ошибках и успехах, публикуемой ниже главе из романа действие происходит в предвоенные годы. Роман будет напечатан в первой половине будущего года журналом «Знамя».

Игорь чувствовал себя джекпотомским охотником, который нигде не пропалет. Где-то через тайгу, на лошадей, спешат люди, полные надежд и доверия к тебе, твоим будущим подчиненным. Они карабкаются на сопки, застревают в буреломах, вброд перебираются через речки. А ты, сделав дел, летчишь самолетом, ты такой, что тебе некогда плестись по земле, твои темпы — авиация! Летчишь — и знаешь, что приказ о назначении руководителем отдела изысканий лежит в сейфе начальника Светлостройа, ты

уже видел этот приказ, Луганов позвал его и объяснил, поспеиваясь: — Пока не подписываю, вдруг мой Васья тебе угробит. Вернешься с удачей — считай себя шишкой всестроительного значения.

И вот Игорь возвращался с удачей, привыкая к тому, что он — шишка всестроительного значения. Приветяи ранней весны очень заметны сверху. В торах полна снегу, а на полях — проплешины бурой земли, по всем распадкам, по всем канавкам переливается, играет на солнце талая вода. Во дворах МТС — тракторы, возле них копошатся люди: подготовка к посевной. Дороги — месиво мокрой глины, тут и там видишь: застрял грузовик, под бусующие колеса летят жерди, ветки и целые деревья; ничего не слышно, а чудится, будто слышишь забористую ругань измученного шофера.

Васья озорничает — снижается и промчится над самой дорогой, над головой бедолаги. Оглянувшись, Игорь видит, как бедолага обижено грозит кулаком. Хорош! Ветер режет лицо, пальцы и в двойных перчатках зачехлены, пощипывает, — но зато скорость, скорость и блаженство озорного риска!

Васья вывел самолет к рене Светлой. Ого, как поднялась вода! Вот первая базовая хибарка — недалеко стояла высоко над берегом, приходилось карабкаться к ней, а теперь вода достигла ее по порогу. Кто-то отвязывает лодку, наверно, водомерщик. Каллистратов отправляется на замеры. Он услышал самолет, задрал голову и смотрит.

Игорь помахал рукой. Узнал Каллистратов или нет? «Ого», — подумает он, если узнал, — нашему-то Игорю Матвевичу какой почет! Обрадуются люди моему назначению? Конечно, обрадуются. Небось, видят, кто работает.

Самолет тряхнул над ущемлем, а затем раскрасил панораму Светлостройа. В воздухе летела душа Игоря ударилась несравненная красота человеческих деяний. Сверху люди и их машины кажутся совсем маленькими, а все, что ими сделано, выглядит огромным, потрясающим. Среди гор и лесов вырос целый город, захлестну об а берега, река перерождена, стиснута, послушно бежит по совсем узкому руслу, злится, плещется — а подчиняется.

И над нею — ну да, конечно! — над нею по черным шнуром трюсов скользят, поначиваясь, бадьи с бетоном. Подвоянная дорога вступила в строй!

Задыхаясь от гордости — и от ветра, — Игорь смотрел на свое строительство, на дело рук своих. Пусть не так уж много сделал он лично, пусть его труд пока не воплотился в видимые создания, скажем, в гладь водохранилища, — все равно, это его строительство, его душа, его судьба, Светлостройа, родина светлая и новой жизни. Да, да, мы создаем свет, а значит, и новую жизнь, мы — новые люди, люди творческие, дерзкие, от нас зачинается будущее страны.

Так горделиво думал Игорь, пока Васья делал круги над стройкой, пугая бетончик ревом мотора. Бетонщики что-то кричали, наверно, ругали Васью. Шоферы выгладывали из кабины, экскаваторщики выгладывали из кабины, дети гоняли из окон школы, прилоснувшись носы к стеклам. Должно быть, и Луганов глянул из окна кабинета — ага, прилетел молодец! А ну, где приказ? Пора подписывать.

СТОИЛО ЛИ ТРЕВОЖИТЬ МУЗУ?

1. «ЛЮБОВЬ НАДО ДОРОЖИТЬ»

По улицам города медленно идут двое — он и она. Они счастливы. Они только что поженились. Вчера. А сегодня им предстоит отметить это событие. И вдруг — первая и роковая ссора. Молодой супруг не понравился, что муж стал топиться в ее кунжут, что он не стал отговаривать ее от дружбы, что он не выразил любви к детям. Этого оказалось достаточно для того, чтобы разочароваться в нем и решительно заявить: «Я никогда не приду к тебе!». И действительно, она не пришла к поезду (назавтра муж уезжал далеко на север), вернее, пришла, но как, как это водится, состав отошел от перрона. Молодой супруг передал ей записку: «Считай, что ты свободна». И вот она страдает здесь, она — там. Наконец, она не выдерживает, отправляет письмо. Она, не читая, вырывает конверт. Он шлет второе, третье. И они разрываются в клочья...

— Постойте, — останавливает нас читатель. — Зачем вы рассказываете эту историю из стародавних чувствительных романов? Увы, речь идет не о персонажах давно забытой книжной макулатуры. «Он и она» — люди наших дней, наши современники. Во всяком случае, за фактовыми их выдают авторы фильма «Повесть о молодоженах» (сценарист А. Ханин, режиссер С. Сиделев), поставленной недавно на киностудии «Ленфильм». По воле создателей картины молодые Володя и Шура превращаются в надутых гимназистов, для которых гордость значаще разума.

В самом деле, почему, получая письма от Володи, Шура не находит нужным прочесть их? Почему во время телефонного разговора с ним она вдруг бросает трубку? Почему, наконец, Володя, если ему дорога Шура, не попытается все же выяснить, в чем причина их размолвки? Очевидно, потому, что в этот самый момент разрешился бы «конфликт» фильма, остановилось бы его действие. Но впереди еще не исполненные метры киноленты. — и снова нагромождаются нелепые события.

Возможно, реши авторы фильм в водевилем плане, претензий к нему было бы куда меньше. Недомолвки, случайности, ошибки, недоразумения — стихия водевиля. Но в картине с подчеркнутой серьезностью подаются поступки героев. Всерьез героиня идет на нелепый разрыв с мужем; всерьез молодой супруг на следующий день после свадьбы бросает жене раздраженное: «Дура!». Звучат трагические аккорды симфонической музыки, оператор снимает крупным планом скорбное лицо героини, окружающие бросают на героя многочисленные сочувствующие взгляды...

С какой целью рассказана зрителям эта «повесть о молодоженах»? Неужели показанная нелепость можно оправдать фразой о том, что «жизнь сложна», а «любовь — вещь

Н. ИГНАТЬЕВА

загадочная» — примерно такими афоризмами оперируют персонажи фильма... Нужно ли было для этого тревожить трепетную музу?

— Нужно! — не задумываясь, отвечают работники студии «Беларусьфильм». Глубокий нравственный урок, заключенный в новой картине студии, раскрывается прямо в названии фильма — «Любовью надо дорожить». Мы ничего не имеем против этой житейской мудрости, но как она доказывает?

Авторы картины — сценаристы М. Березко и С. Сиделев (он же режиссер) преподносит нам ее в современной оболочке: местом действия выбирается современный советский камвольный комбинат, героиня становится передовой ткачихой, героем — недавний моряк, а теперь строитель, в события втягиваются профсоюзные и комсомольские организации... Но суть дела от этого не меняется! Фильм находится на грани между мещанской мелодрамой и пошловатым чувствительным романом.

Герой, узнав о том, что его возлюбленную подозревают в краже пряжи, не только не пытается встать на ее защиту, а, наоборот, возвращает ей подарок — балл (теперь то уж ясно, откуда взялся денежки на его покупку!) — и остается в долгу. Метнувшись же на работу, он не только не пытается встать на ее защиту, а, наоборот, возвращает ей подарок — балл (теперь то уж ясно, откуда взялся денежки на его покупку!) — и остается в долгу. Метнувшись же на работу, он не только не пытается встать на ее защиту, а, наоборот, возвращает ей подарок — балл (теперь то уж ясно, откуда взялся денежки на его покупку!) — и остается в долгу.

Возможно, это устроит провинившегося Степана, но вряд ли найдет сочувствие у зрителей, которые без труда увидят старые нитки в, казалось бы, на первый взгляд, новой пряже.

2. ОТОДВИНЬТЕ ШИРМУ

Фильмы о современности. Конечно, их в первую очередь хочется видеть зрителю: отдавая дань далекой истории, обращаясь к недавнему прошлому, он все-таки прежде всего стремится посмотреть картину «из современной жизни». Он хочет найти отклик своим мыслям и чувствам и вместе с героями фильма задуматься над сложными проблемами времени.

Но часто, как в фильмах «Повесть о молодоженах» или «Любовью надо дорожить», современность остается внешней приметой, формальным признаком, призванным прикрыть пустоту, идейную бедность картины.

Порой достаточно вставить в фильм афишу с надписью «Гарродный университет культуры», или установить на переднем плане машину новейшей конструкции, или произнести слово «спутник», и это действует, подобно волшебному заклинанию: «Сезам, отвори!» — картина моментально открывается «зеленая улица».

Проще всего показать на экране «ТУ-104», гораздо труднее создать интересные образы тех, кто сконструировал, создал этот авиакорабль, кто управляет им в небесных высотах. В чем прежде всего должны выразиться черты, особенности эпохи? В мировоззрении, в психологии героев.

Однако иной раз авторы фильма не дают себе труда осветить картину даже внешними деталями современной обстановки. Например, в картине «Манана» студии «Грузия-фильм» о времени действия можно судить, пожалуй, только по типу радиоприемника. Все остальное — и сюжет фильма, и его персонажи, и окружающая обстановка — носит как бы вневременный характер.

История маленькой Мананы, вечно измученной бабушкой и дедушкой, разыгрывается в условных декорациях, среди карточных героев. С одной стороны — маски персонажей, подлежащих осмеянию: идиот-управдом, крикунья-дворничиха, резонер-сосед; с другой — положительный маск: приглаженные пионеры, пай-мальчики и пай-девочки, «свадебный» адмирал и т. п. Да и образ самой Мананы далек от живого ребячьего характера. Следуя воле сценариста Э. Гедеванишвили и режиссера З. Гудавадзе и Ш. Маргаришвили, маленькая исполнительница играет эдакого вундеркинда-зайчика, принимает поэмы, дарит надменно-горде-

ливые улыбки... Сказочная принцесса на горошине — вот на кого почему-то смахивает Манана, а не на грузинскую девочку-школьницу, пусть сверхзабавованную вниманием близких. Нет, ошиблись составители аннотации к картине, написав, что «фильм заставляет еще раз задуматься над сложной проблемой правильного воспитания подрастающего поколения». Актуальная проблема современности снова оказалась лишь ширмой для умилительно-слащавой демонстрации разнообразных талантов «необыкновенного ребенка» — столь любимой темы западного коммерческого кинематографа.

3. СНЯТО В ФОКУСЕ

Фильмы, о которых шла речь и которые скоро выйдут на экран, удручают не только архаичностью содержания, но и архаичностью формы. Здесь, как правило, достигается редкое единство. Картины, снятые в 1959 году, напоминают ленты, созданные на заре кинематографа. Как и много лет тому назад, на зрителя пытаются произвести впечатление подчеркнутой эффектностью поэмы, неестественной игрой глаз, называемым повторением какой-нибудь детали...

На фоне подернутого морозом окна с ледяным взором снята режиссером С. Сиделевым героиня «Повести о молодоженах» в момент, когда она недоразумевая рукой ухватывает письмо мужа — так демонстрируется гордый, негибнущий характер. В «Манана» после очередной выходов героини киноаппарат направляется на портрет умершей матери Мананы — нам указывают причину всех бед, которые происходят с ребенком. Героиня белорусского фильма не расстается с балном, который возвратил ей возлюбленный; несмотря на тяжесть, она носит с собой повсюду эту память о счастливых днях — «любовью надо дорожить».

Продолжить подобные примеры нетрудно: бедность содержания порождает столь же убогие, примитивные приемы. И тогда на экране появляются художественно бедные сцены, иногда формально как будто бы «работающие на фильм», а на самом деле компрометирующие его замысел.

В фильме Киевской студии «Солдатка» (сценарий и постановка В. Денисенко) есть такой эпизод. Растроганная Ирина Гаева — вдова погибшего воина — приходит на могилу к мужу. Стоя на коленях перед обелиском, Ирина в печаль срывает с могилы стебельки льна. Неожиданно появившийся дед Махтея считает своим долгом завестись разговор и отметить, что «лен — трава важная. Государство за него больше денег платит». И вдруг безутешная вдова, только что припадаящая к земле, где покоится прах ее мужа, отрывает его от могилы, смахивает слезу и деловито интересуется: «Сколько?.. Почему же сейчас не сеете?». Вот к чему приводит прямолинейность в искусстве!

Мне рассказывали, что режиссер одной недавно вышедшей картины настойчиво пытался получить хоть какой-нибудь комплимент. После мучительных раздумий собеседник сказал: «Ну, что ж, — снято в фокусе».

Увы, в положении этого режиссера могут оказаться и некоторые другие кинематографисты, использующие средства, которые давно пора сдать в архив.

Большие задачи поставлены временем перед советским киноискусством. И художники наши, стараясь правдиво и поэтично выразить пафос эпохи, идут трудной дорогой творческих поисков. Так появились на свет «Летят журавли», «Коммунист», «Поэма о море», «Судьба человека», «Баллада о солдате» — фильмы большого дыхания и художественной страсти, вызванные к жизни смелым талантом их создателей.

Пусть не всегда стремление сказать свое, новое слово, завоевать новые рубежи увенчивается успехом. Порой художника ждут ошибки, подстерегают поражения. Но с горечью отмечаю эти досадные просчеты, мы в этом случае помним, что речь идет об исканиях в искусстве, о творчестве.

Фильмы, о которых говорилось в статье, совсем иного рода. В них нет ни грамма того, что мы называем вдохновенным, творческим поиском. Нет мысли, поэзии, чувства...

Не пора ли решительно преградить доступ на экран подобным картинам? Не пора ли предостеречь самих зрителей от появления серой, стандартной, наводящей уныние кинопродукции?

или бетон. Отступилась, упала. И вот — ноги. Отнялись у нее ноги. Второй год. В новом освещении всплыли в памяти когда-то раздражавшие картины: Николай Иванович гуляет с двумя детшками... Николай Иванович выводит из магазина с полной сеткой, из сетки торчат хвосты морщенок...

— Я не знал, — Все знал, один ты не знал, — сказала Тоська и выплеснула на пол чуть ли не всю воду из ведра.

— Чего ты злишься? Я не виноват, если Луганов решил... Тоська отжала тряпку так круто, что она побелела на губах. Распрямляла занемешную спину. Оглядела Игоря, будто впервые видя. И вдруг закричала: — Переод мной-то не принимайся, я-то уж знаю, как ты перед начальством охорашивался! Я такой, я такой, у меня планы, у меня силышки, как по жидучкам! А Луганову что, бегемоту, он любит горничных!

— Стараясь утихомирить ее, Игорь сказал шутливо: — А ты не любишь? Тоська в сердцах отшвырнула тряпку. Согнула руку в локоть, откинула со лба прядки волос. Гневно зашептала: — Ну и любила, потому что — дура. Да разве я дура?! Ведь кого стубил, чертов кот! Такого человека! Мало тебе было? На ставку его подпустили? На должностное звание — начальник? А подумай ты, куда он теперь денется с безногой женой да с маленькими детьми! Вспомни ты, как он тебя уличивал, знаешь свое выкладывал, как есть, когда ты сюда желторотым прибыла? Я помню! Через дверь слушала — вот, думаю, добрая душа, при таком начальнике любой студентшица в два счета и поди выйдет. А ты — выскочила, да его же и подсадила!

— Ну, знаешь, ври, да знай меру. Подсилай! Выскочил! С ума ты сошла, что ли? И откуда я знал, что у него с женой такое несчастье? Говорила ты мне? — А ты спрашивал? Игорю хотелось хлопнуть дверью, уйти раз и навсегда. Дура! Но что-то мешало ему. Если уж Тоська так думает... Нет, это просто ужасно, что даже Тоська...

— Тоська как с цепи сорвалась. Расставив ноги и крепко упираясь босыми пятками в мокрый пол, подбоченясь, гневно сверкая глазами, она так и сыпала, так и сыпала: — Людтей-то — замечашь? О людях — интересешься? Вот ты со мной спишь, а что ты

ПТИЦЕЛОВ

Константин ВАНШЕНКИН

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ

Я знаю правильных людей, Ялюбленных в точные науки, И чью отвагу их идей, Их делом занятые руки.

Еще мальчишками, в кружках, Они уже тома читали И в Pastoromennыx руках Вертели старые детали.

Они такие же, как все, Влекомы страстью не одною: Бредут с ружьишкой по росе Или в кино спешат с женою.

Не обязательно в очках, — Не близоруки от природы, — Одетые не кое-как, А даже с признаками моды.

Но как художник видит вдруг То, что не видел шедшим рядом, Так и они глядят вокруг Особенным, пытливым взглядом.

Мир перед ними обнажен, Мир перед ними, как в разрезе. А каждый найденный закон Там выбит, будто на железе.

То мир, где зов больших вершин, В туманном космосе полеты, Кибернетические машины Молниеносные расчеты.

...И вот они в бюро своих, В цехах, в безмолвье кабинета, И с ожиданием на них Все глаза глядят планета

И ценят их за резкий ум, За мозг, достойный человека, — Властителей всеобщих дум, Детей сегодняшнего века.

ЧЕСТВОВАНИЕ Н. Е. БУРЕНИНА

Общественность Ленинграда отметила 85-летие со дня рождения одного из старейших революционеров, писателя, Николая Евгеньевича Буренина. На расширенном заседании ученого совета Музея Великой Октябрьской социалистической революции состоялось чествование Н. Е. Буренина. Секретарь Ленинградского отделения Союза писателей направил юбиляру теплую приветственную телеграмму.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.)

Перед учительским звездом

В январе состоится Всероссийский съезд учителей — большое событие в жизни нашей страны. Как идет процесс перестройки школы, сближение ее с жизнью? Какие трудности переживает она на этом пути? Как решаются новые ответственные задачи, поставленные перед советской школой партией и правительством? — эти вопросы волнуют сейчас самые широкие круги советской общественности.

Разговор о проблемах трудового воспитания, о политехническом обучении и совершенствовании всего учебного процесса, о том, какую помощь школе должна оказывать общественность, возник 24 декабря в редакции «Литературной газеты». Здесь собрались учителя, директора школ Москвы и Московской области, деятели педагогической науки, производственников. Занятосованно, показавшись говорили работники просвещения о достижениях и трудностях школы, идущей сейчас семимильными шагами навстречу жизни.

Отчет об этом совещании «Литературная газета» опубликует в ближайшее время.

ПТИЦЕЛОВ

Бормоча: «Ох, греби наши тяжки!», Овечь чужко настроил сялок. Нервно сделал четыре затыжки И в снегу за кустами прилеп.

После долгой вчерашней метели Было тихо и сонно в саду. Время шло — снегиря не летели. Он подумал: «Затеряну — уйду!»

Он подумал: «Затеряна пустая»... Вдруг, взметая потоки снежка, Их обрушилась целая стая. Будто выпал кто из мешка.

Он увидел их точно впервые — В зиниме свете, облившем сады, На ветвях красовались живые Заметенных деревьев плоды.

С ветки лядинка внезапно упала, Разом дрогнули — все начеку. Я была самая храбрая пташка, Подлетела, колеблясь, к сылку.

Не обою зерну доверяя, Опасаясь в неволю попасть, Прочел я приказ. Что был напечатан в газете, И только сейчас — Зима уже близко — заметил.

Занедевел стог, Не движется воздух стеклянный. Последний листок, Как с горки, скользит над поляной.

В крутом выраже Еще не завали метели, Но птицы уже, Кому улетае, — улетели.

То мир, где зов больших вершин, В туманном космосе полеты, Кибернетические машины Молниеносные расчеты.

...И вот они в бюро своих, В цехах, в безмолвье кабинета, И с ожиданием на них Все глаза глядят планета

ЛЕКЦИИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...

Но, к сожалению, фотоаппарат зафиксировал не только эти радующие глаз кадры. Вот полтора часа, безусловно, потерянные. Что они читают? Журнал мой или, может быть, детективный роман? Должно быть, это очень нецивилизованные студентки! Но что это? Они, кажется, не одноклассники? Почему девушка на другом снимке привлекает внимание подруг больше, чем лектор? А какую мужественную борьбу со своим ведет этот юноша позади них?

Может быть, дело не в студентах, а в преподавателе? Увы, кажется, это так. Все три грустных фото сделаны на одной и той же лекции. Несколько раньше, в начале студенческих дней провела наш фотокорреспондент М. Трахман в аудиториях МГУ. Были отличные лекции, но одна плохая «испортила» фоторепортаж о них.

Такие лекции, к счастью, весьма редки. Но как добиться, чтобы их не было совсем? Добиться того, чтобы студенты на всех лекциях сидели вот так, как запечатлел их фоторепортер на последнем снимке? Мы прилажем наших читателей — и преподавателей, и студентов, тех кто учится и тех, кто уже давно закончил учебу, высказать свои соображения по этому поводу.

Пути развития современного романа

Институт мировой литературы имени А. М. Горького совместно с правлением Союза писателей СССР организовал дискуссию о путях развития современного романа. Вступительным словом выступил В. Шергина. Основную доклад, содержательный анализ произведений советской литературы последнего времени, сделал М. Кузнецов. В дискуссии приняли участие литераторы-теоретики и критики. С интересными репликами выступили писатели Г. Медвинский, Г. Березко, Г. Медвинский, в частности, подробно рассказал о своей работе над повестью «Честь», говорил о важности изучения писателями жизни. Березко делал акцент на выступлениях до него товарищаи по вопросам художественного стиля. Он предложил коллективные обсуждения проблем творчества критиками, литературоведами и писателями практиковать чаще.

В докладе и в выступлениях отмечалось, что советская литература за последнее время обогатилась значительными произведениями прозы. Писатели стали ближе к жизни народа, к современным условиям.

Проблема героя времени, героя литературы, воплощающего лучшие, передовые тенденции эпохи, была в центре обсуждения. Выступавшие отмечали, что современной нашей литературе не хватает сильных, ярких, цельных характеров, таких, как Павел Корчагин, как Воровалов.

Они отмечали, что возвращаясь к вопросу о современном стиле прозы, о традиционности и новаторстве. Много внимания было уделено на дискуссии проблемам развития современного романа в наших национальных литературах.

Обсуждение показало, — сказал в заключение А. Деметев, — что литература социалистического реализма сделала за последние время определенные успехи. Решающую роль в этом сыграла мудрая политика партии, сплотившая все писательские силы для решения великих задач.

ли: а что Николай Иванович? Куда он едет? А семью как же — сразу везет с собой? Женато у него хворая... И всем хотелось проводить бывшего начальника.

— Подавшая досуду, Игорь взял с собой — провозить — только двух техников, работающих с Николаем Ивановичем еще на Днепрострое. Предоставив желавшим таскать чемоданы, Игорь явился на станцию за пятнадцать минут до отхода поезда. У единственного классного вагона, прицепленного к длинному составу теплушек и платформ, толпились множество людей. Кроме исследователей, тут были и заместители Луганова, и начальники разных отделов и участков, и почему-то много бетонщиц. С чего бы это? Вне рабочей обстановки боевые девчата выглядели непривычно смиренными, на Игоря и не смотрели, — а уж они ли не заигрывали с ним!

Кое-как протиснувшись сквозь толпу, Игорь увидел Николая Ивановича — затурнничав, с потным лицом, и двух маленьких мальчиков в матросских бескозырках рядом с ним, и рыхлую женщину, сидящую зачем-то на раскидном стуле. Жена, что ли? Ну и ну!

— Носильщиков придется. — Кто мог думать? Сколько сделали люди и вдруг — пожалуйте вои!

— Подкопалась под него. Женский голос гневно бросил: — Совести нет. Ну, как он теперь с таким-то грузом?

Николай Иванович торопливо совал все без разборку руку лодочкой — отсутствующий, погруженный в свою тревогу. Кто-то посадил детей. Внесли последние чемоданы и портфели, проплыл над головами раздвигный ступ.

Дежурный дал сигнал отправления. Николай Иванович стоял на ступеньке вагона и вяло махал рукой.

Среди людей, шагавших рядом с вагоном, Игорь заметил Тоську — заплаканные глаза, скорбные губы.

Постепенно отставая, он не смешался с толпой, уходившей тропочкой через пути, через горы шлака, а побрел к пассажирскому выходу, которым никто не пользовался, — пока он выволил на незастроенную площадь.

Ослепительная вывеска просияла над его головой — «Светлоград».

С площадки открывались кварталы сопрограда и леса строящегося Дворца культуры. Рени не видно, только скалистый склон того берега, исчерканный нитками дорог. Там, где должна быть река, скользят в воздухе бады; одни, полные бетоном, плывут тяжело — трос прогибается, другие легко бегут обратно, в разрез стую угробу бетонного завода. А по берегу тут и там белеют столбики — горизонт будущего и там белеют столбики. Светлоград! Моя жизнь, моя воодражилища. Светлоград! Что же случилось? Как же это случилось?

В контуре было пусто. Ни один человек не зашел с проводов.

Тоська мыла пол в своей комнате. И когда только успела? Все сдвинуто с мест, стулья промяты, мотаются вверх ножками на столе и кроватках. Ни сесть, ни лечь. Высоко подоткнув юбку и, переступая босыми ногами по мокрому полу, Тоська рьяно скребла доски голкомом.

— Ух ты, какой аврал! — добродушно сказал Игорь. Тоська вскинула глаза — и еще более рьяно заработала руками.

— Ну, знаешь, ври, да знай меру. Подсилай! Выскочил! С ума ты сошла, что ли? И откуда я знал, что у него с женой такое несчастье? Говорила ты мне? — А ты спрашивал? Игорю хотелось хлопнуть дверью, уйти раз и навсегда. Дура! Но что-то мешало ему. Если уж Тоська так думает... Нет, это просто ужасно, что даже Тоська...

— Тоська как с цепи сорвалась. Расставив ноги и крепко упираясь босыми пятками в мокрый пол, подбоченясь, гневно сверкая глазами, она так и сыпала, так и сыпала: — Людтей-то — замечашь? О людях — интересешься? Вот ты со мной спишь, а что ты

обо мне знаешь? Фамилию мою — и ту навряд слышал! Веселая да полдантистая, полз обнимать — по рукам не шпензела, еще и прикалывалась? А какая у меня жизнь была — спросил? Кто ее вытоптал, кто распрямил? Тебе и не интересно. Сыт, обогрет, обласкан, и лядно. А в душой само заглянуть хоть раз, какая она — эта самая душа в теле? Тело-то сладко, а душа, может, горше полын! А? Ни к чему тебе? С бумажками сотенными разбегался, кот поганый, ну и чист!

И это припомнил! Случилось однажды — приобрела Тоська, еле ходила. Игоря к себе не подпускала. Он восторженно: — Да что у тебя, Тося? Может, доктора нужно? — Что, что! — усмехнулась Тоська. — Будто не знаешь, кобелек, что у баб бывает, когда с вашим братом путаются.

Потом еще и так помесялась: — Зря я не обкрутила тебя по такому случаю. Неплохо было б дите от тебя, кучерявенькое, культурное.

Он мучился тогда, не знал, как вручить ей деньги, ведь abort чего-то стоил, и немало стоил, abortы запрещены... — Ах ты, чистоплюйчик! — воскликнула Тоська, поняв его намерения. Откупилась от грехов захотел? Так ведь я бабонка война, на аркане в постель не задишь, сама выбираю кого хочу, сама и выпутываюсь. Ты бы лучше цветков нарвал, когда по базам своим шатаешься, или шампанского денек принеси — какое оно, и не пробовала. В субботу принеси, слышишь? Демисек! Гуляе в субботу Тоська, конец великому посту!

Тогда они славно пообщались, в ту субботу. Ни одного упрена не слышал он от Тоськи. И денег не взяла. А теперь припомнила — с сотенными бумажками... кот поганый... Ну и язычок!

— Хватит! — прикрикнул он, рассердившись. — Намолола, наорала. Давай-ка, домывай пол да освободи мне постель. Три ночи не спал толком.

— Освобожу, — буркнула Тоська и подняла тряпку. — Сегодня освобожу, а вообще-то, квартиру подпочините. Начальник теперь! Что вам — угу-то-о!

Как это понимать — отставка? Хлопнув дверью, он высочился из дому. Кругом люди — кто гуляет, кто на крыльце сидит, кто по делу торопится. Людям млеко, а видеть никого не хочется. У берега поскрипывала, поначивалась лодоч-

на с подвесным мотором, верная подруга. Три дня моталась с нею по реке, устала. Отдохнуть бы, даваться некуда, кроме нее.

Отомкнул замок, бросил в корму цепь, оттолкнулся.

Тихо шла лодка по вечерней реке, стрелочка мотором. Сумрачно сияла вода, вбирая блестящие краски закатного неба. Быстро темнели берега. Раскрасил от носа лодки, широко разбегалась волна, треугольников разбегалась — и где-то у берега, в камнях, с шипением и всплесками ломали углы.

Впереди плывущее темнело устье. Позади мрачно серела бетонная машина головного сооружения, зловещими пиками утыкались в небо черные стрелы кранов. Светлоград. Светлоград. Новые люди... Что же произошло, как же это вышло так нехорошо?

Пронзительно воспоминание о рассказе приятеля: на оперативке Николай Иванович докладывал ход изысканий. Луганов прервал его: — Ваш заместитель доложил мне проект перестройки работ. Хвалю, Поддержу. Николай Иванович замаялся, так как не знал, о чем речь.

— Способы вы провести всю эту историю? — наирал Луганов. — Тогда действуйте по-энергичней. Николай Иванович молчал.

— Да проясните вы! — закричал Луганов. — Вот, ей-богу, рыба кровь! Когда Игорь вернулся из Москвы, Николай Иванович сухо заметил ему, что правильной действовать через своего непосредственного начальника, а не через его голову.

Игорь сказал: — Это был частный разговор у костра. А это была — подлость. Как ни верти — подлость.

Темнела река, закрывшая струи воронками. Низко нависало небо. Без цели моталась по реке лодочка с подвесным мотором. И сотни горьких мыслей, долговатых воспоминаний давили голову Игоря. Все глуже, все страшнее обозначалось одиночество. Хоть плачь, хоть кричи. Слез не было, и крика не получилось, слово совралось с губ совсем тихо, жалобно: папа!

Но тысячи верст между ними. Отчуждение — между ними. И нельзя помчаться к нему, чтобы припасть к родной руке, и ничего не суметь — в письме. Нужно — самому.

ЗА ДОВЕРИЕ

НЕСКОЛЬКО мучительно долгих лет провел я в заключении. Теперь — снова на свободе, работаю, собираюсь учиться. Я глубоко благодарен обществу за доверие и очень хочу, чтобы все, что еще отбывает наказание, скорей вернулось на честный путь. Это и побудило меня обратиться в газету.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Истинная человечность

НЕСКОЛЬКО лет назад во Львове случилось происшествие, мало заметное в сутонке большого города, но имевшее горькие последствия. По улице шли в веселом настроении два парня, недавно отслужившие на флоте. Не известно, куда и зачем они шли. Известно только, что одному вдруг потребовалось перебежать улицу в нездоровом месте, за что он был справедливо задержан милиционером: «Плати штраф или пойдем в милицию».

Павел НИЛИН

Ни того, ни другого парню делать не хотелось. И он оказал сопротивление. Конечно, это был неразумный поступок. Милиционер достал свисток, чтобы позвать на помощь. Завязалась борьба. В ней принял участие и другой бывший морячок, не перебивший улицы. Понятно, что и этот второй парень — Саша, так же как и первый, поступил не очень умно. Не ахти каким страшным наказанием угрожал им милиционер. Но слишком прямолинейно усвоенные законы дружбы и мораль, которую внушал на флоте какой-нибудь добровольный олеуки («сам погибай, а товарища выручай»), обязывали Сашку действовать незамедлительно, без особых размышлений.

Итак же незамедлительно, без особых размышлений действовал суд, приговоривший Сашу к пяти годам заключения «за сопротивление властям». И ведь сопротивление действительно было. А по законам любой державы это влечет серьезное наказание. Другой разговор, что вдумчивый, добросовестный советский судья, осужденный не только знаниями законов, но и здравым смыслом, мог бы рассмотреть подлинную «суть» этого «сопротивления властям», взвесить социальную опасность молодого паренька, шахтерского сына, честно прослужившего пять лет на флоте, и выбрать среди статей закона меру наказания, которая больше соответствовала бы степени вины.

Если судья в наших условиях приговаривает человека, особенно молодого, к лишению свободы, он должен, мне думается, чувствовать при этом не только очень высокую государственную, но и отповскую ответственность за дальнейшую судьбу того, кто отправлен им в тюрьму. Ведь тюрьма или колония — не лучшее место для воспитательной работы. И собраны там отнюдь не лучшие представители человечества. Из молодого человека, попадающего в их среду за небольшой сравнительно проступок, они могут порой, вопреки желаниям и стараниям тюремной администрации, сформировать убежденного врага общества, способного в дальнейшем на тяжкие преступления.

КОНСЕРВИРОВАННАЯ ПОШЛОСТЬ

НАМ, австрийцам, «повезло». С самого дня рождения нашей республике, вот уже более сорока лет, мы являемся для Германии, ныне Западной Германии, ближайшим рынком сбыта всевозможнейших нужных и ненужных товаров. Страна наводнена западногерманскими автомобилями, кинофильмами, туристами и даже «духовными ценностями», вроде варварской литературы, реваншистских журналов, мемуаров гитлеровских генералов. Доход от этих статей экспорта идет на увеличение банковских счетов немцев, а также — не будем скрывать — тех австрийских предпринимателей, которым удалось пристроиться к аденгауэрскому «экономическому чуду». Одним из самых прибыльных, без сомнения, является культурное благо, именуемое шлагером.

Что же такое шлагер? Слово это трудно перевести. Шлагер — это популярная песенка с навязчивой мелодией, то, что сегодня непрерывным потоком льется из громкоговорителей; шлагер, с другой стороны, — это колоссальные доходы для фирм, выпускающих грампластины. Западногерманский шлагер — это серийное, массовое производство песенной халтуры, смеси из пошлости, слащавости и цинизма.

Мне кажется, тут нужны кое-какие специальные меры. Хорошо, если бы, освобождая человека, администрация колонии заблаговременно выясняла возможность его трудоустройства; чтобы вручение паспорта происходило в торжественной обстановке (ведь это — формальность, а возвращение человека к жизни). Многие заключенные — сироты, у которых на свободе, как говорится, ни кола, ни двора. Суточных, которые вынуждены при освобождении, таким людям, конечно, не хватает для того, чтобы устроиться на новом месте. В колонии они работают, получают зарплату, но, как правило, всю ее тратят и выходят без гроша. Хорошо бы из каждой подлочки заключенного небольшую часть удерживать и накопленную таким образом сумму выдавать при освобождении.

Я знаю, что у человека, вышедшего из тюрьмы, при всей помощи общества не все сразу получается гладко. Бывают и трудности, и срывы. Но истинное счастье приходит к человеку постепенно, в труде. За него надо бороться!

Можно пройтись, допустим, по Подмосквову и увидеть иной раз нарядные дачки, стоимостью тысяч в двести действительно принадлежащие людям, официально зарабатывающим не более тысячи в месяц. Понятно, что эти домовладельцы не могут быть причислены к честным людям. Но вот недавно поймали в подмосковном магазине очередной партии дефицитного товара «со стороны». При обыске на его двухэтажной даче нашли несколько сберегательных книжек на крупные суммы. Казалось бы, все ясно. — Нет, — сказал халуга задержавший его. — Вы меня арестовываете неправильно. Ну да, я отпустился. У меня, может, правда, есть еще родимые пятна капитализма. Не отрицаю. Но сейчас другая эпоха. Вы должны пересмотреть меня, а не сажать. Может, коллектив еще возьмет меня на поруки... Халуга, оказавшись, начался газет. В газетах теперь почти ежедневно пишут о том, как важно вовремя остановить человека, ставшего на неправильный путь, не дать ему отступить. У нас, впрочем, и раньше писали немало «на уголовные темы». И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Литература обязана рассматривать все явления жизни и устанавливать причины и условия возникновения преступности. Однако у нас появились и еще появляются книги, авторы которых, даже помимо воли своей, допускают как бы позитивную личностную оценку. Особенно увлекаются некоторые авторы, когда пишут, какие воры были раньше, в первые годы революции или в годы зноа, как бесстрашно и хитроумно они орудовали. И ннда слеза может пролиться читателя, что нет уже больше столь отважных воров.

Написаны были книги и о так называемой переколке преступников. И нельзя отрицать, что некоторые из них принесли определенную пользу, сыграли воспитательную роль. Но нередко в потоке такой литературы встречались и книги с отменным плагиатным умилением по поводу преступника, который ворвался-ворвался и, наконец, соблаговолительно переколкался. Умиление можно проследить и сейчас в ряде книг и газетных статей такого типа. Надо ли говорить, что умиление это не имеет ничего общего с политикой нашей партии, с политикой нашего государства, с гуманизмом социалистического общества.

НАМ ПИШУТ ИЗ ВЕНА

Каждая страна имеет свой тип популярной песни: в США — это джазовая песня сунт, во Франции — шансон, в Вене — венская опереточная песня, в Аргентине — танго. У немцев тоже был свой шлагер — куплеты немецкой политической эстрады с оригинальной мелодией и остроумным текстом. Сегодня эти куплеты — иглока в стогне сна. Западногерманское «экономическое чудо» породило бесталанную копию американской пошлости. Текст одной из разновидностей шлагера простирается английскими словами. Любо здесь — «лав», парень — «бой», девушки, конечно, «герлс», фигурируют еще «тинзиджеры» (подростки), «бэби» и «дэдди». И без того бедному словарному фонду западногерманской молодежи приходится еще более потесниться. А содержание шлагеров? Это яд безыдейного, крайне обиденного мироощущения, порождающего ту самую, безысходную скуку. Один из шлагеров философствует: «Земля вернется не только вокруг денег, — чем была бы она без любви? Изредка шлагер поднимается и до таких высот: «Порой любовь тиха, как синие озера, порой она, как океан, полна тоски». Но обычно проблема любви не слишком усложняется, и пятнадцатилетняя девочка игриво напевает запомнившийся шлагер: «Ты, милый гангстер, украй мое сердце, постой же, сегодня я украду твою жизнь». А вот рекомендуемая программа «культурного досуга»: «Семь вечеров в неделю я хотел бы ходить на танцы», «Семь вечеров счастливым быть с тобой». В другом, очень распространенном шлагере некая девица жалуетса, что на работе ей приходится быть прилежной и скромной, но зато «ночью в баре, ночью в баре для меня начинается настоящая жизнь». Танцы и вечеринки — вот настоящая жизнь! В шлагере дается и критерий для выбора любимой. «Бэби, как это замечательно, ты для меня

идеальная пара», ибо «ты любишь ларские танцы, и авто, и быструю езду, ты любишь вечерами ходить в кино». Жизнь в захватывающем вихре удовольствий, танцев и любви, ты до отупения повторяешь кредо капиталистического мировоззрения: «После нас — хоть потоп, после нас — хоть потоп; ведь это все равно». Музыкальное оформление вполне соответствует урному тексту. Новый род песни породил новых певцов, плохую копию американских «звезд» рок-н-ролла. Вот одна из этих «звезд» — двадцатилетний Петер Краус. О музыке и пении он имеет также же представление, как слон о балеете. Этот пробел он легко сполняет трюками, позанавесочными и американскими «коллэж». Исполнение то и дело прерывается выкриками, инканьем, всевозможные вариации звуков «а-а-а» и «о-о-о» вызывают у зрителей неустойчивые аплодисменты. Затем он обнимает микрофон, шепчет ему слова любви, и пятнадцатилетний шлагерный стонот от восторга. Затем «певец» с гитарой куврырается по сцене, всхлипывает, приседает на корточки, словом, ведет себя, как ребенок ползуноквого возраста, по ошибке выпивший бутылку кастрони. Но это именно то, чему хотят научить молодежь: думать ногами и чувствовать животом.

И надо сказать, что это отчасти удалось. Немало молодых людей стоят по вечерам у музыкальных автоматов, броса в них бесцельное количество шиллингов, покупают очень дорогие пластинки, покупают портативные проигрыватели, чтобы даже на прогулке не расставаться со своим кумиром. Гражданскими порциями они поглощают консервированную пошлость и убожество, поставляемые из страны «экономического чуда», и даже не замечают, что консервы-то испорченные.

В этом — вся трагедия. Элизабет МАРК, Иосиф ХАЙМАР ВЕНА, декабрь

О причинах негармоничности (с подробностями обстоятельств)

РАССКАЗ начинается так: «Они гуляют вместе по берегу небольшого озера, обсеянного тальником и немногочисленными деревьями. Девушка не очень красива, зато шпалла из рисовой соломы по-особенному симпатично оттеняет короткие кудряшки на ее голове и тонкую шею; пожалуй, папе с мамой не следовало выбирать для нее столь вздернутый нос и чересчур круглую мордашку. Это так, но зато у девушки на диво стройная фигурка, и простенькое платьице так ловко пришло к ней, что слушающиеся близости парня с удовольствием смотрят на все это, вместе взятое, до тех пор, пока их глаза не становятся вороватыми». Уф... Около восьмидесяти слов в одной фразе! И какая фраза! Здесь и пошла рекоммендация автора: «папе с мамой не следовало выбирать для нее столь вздернутый нос и чересчур круглую мордашку, здесь и безграмотный набор слов, вроде: «слушающиеся близости парня» («слушающиеся» — кать»). Как понять эту

это ведь из области животноводства), здесь и «вороватые» глаза. А вот полюбуется: «Пугаясь все больше, Зина-птичка изо всех сил старалась увернуться от испущенного чужого рта (рта! — И. У.), скользящего по ее щекам, глазам, шее; она вырывалась, изворачивалась, — но пахнувший табаком рот впиновался в другое место (какое??), сладко прилипая к коже, щекоца усами лицом (это рот щекоцет усами! — И. У.); он все ползал, ползал, чтобы встретиться с ее ртом...» Все эти красоты я прочел в рассказе В. Жуковского «Птички летят». Красот там еще много. Нет смысла цитировать все, это уведет нас далеко. Но хотелось бы, чтобы рассказы писались по-русски хотя бы грамотно (если уж оставлять в стороне вопрос о хорошем эстетическом вкусе). «Замурзанное село». Что это такое? «Мишка был неуклюж, это верно, но то, что ему попадало в руки, он не имел привычки отпустить». Как понять эту

Словесное фокусничество привело автора к тому, что он совершенно загулял свой замысел. А редакция журнала «Гулливер», орган Союза писателей Таджикистана, В. Жуковского не поправила. Переводчики тоже должны уметь писать по-русски. А вот как пишет переводчик В. Чукурев: «Было то время, когда сходит снег и голая земля парит, как только что выкупанный младенец». Даже если отвлечься от того, что младенец одел парит, не может, — что общего можно найти между испарениями «голой земли» и «выкупанным младенцем»? Еше: «И мы не боролись с теми, кто был причиной негармоничности в прежнем боре». Или: «...Речь шла о каком-то директоре, отправившемся в театр с любовницей; о подобию обстоятельств, при которых ему пришлось покинуть театр вместе со многими другими мужчинами, не менее «грешными», чем он». Или: «Мысль эта рождает чувство приятной успокоенности. Но это чувство пародовало его недолго». Не по-русски все это! Так переведен интересный и острый роман о современности молодого узбекского писателя П. Кадирова «Три корня». А ведь издательская «фирма» солидная: Москва, «Молодая гвардия»... К сожалению, эти примеры не единичны. Видимо, издательства, и особенно издательства, которые занимаются литературными нашими республиками, представляющие эти литературы широкому читателю, не следят за чистотой русского перевода. Говоря стилем В. Чукурева, это «пародовало нас» ровно столько, чтобы перейти от усмешки по поводу неправомерности перевода к серьезной грусти относительно «причин негармоничности» языка некоторых книг. Не пора ли разобратса и в «подобию обстоятельств», при которых словесный хлам просканивает в свет? Профессор И. УСТИНОВ МОСКВА

